

УДК 811.111'23

МОТИВ ПАМЯТИ И СРЕДСТВА ЕГО ВЕРБАЛЬНОЙ МАНИФЕСТАЦИИ В ПРОЗЕ И. ШТОКМАНА

С.В. Попова, О.В. Четверикова

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

В настоящей статье рассматривается мотив памяти, проходящий через все творчество И. Штокмана. Память у писателя является разновидностью отражённого чувственного восприятия мира и обуславливает художественное воссоздание автором событий прошлого, эмоциональных состояний героев, что, в свою очередь, служит языковой объективации ценностных ориентаций творческой языковой личности, её представлений о мире и человеке.

***Ключевые слова:** мотив, память, аксиологическая вертикаль личности, автор, знаки языка, смысл.*

Художественный текст представляет собой объективированный в знаках языка образ мира автора, понимаемый как «внутренний контекст» личности [3], основу которого составляют впечатления, переживания, знания, мнения человека, познающего и осмысливающего мир.

Смысловая сфера художника слова детерминирована особенностями мировоззрения автора, аксиологической вертикалью его личности, особенностями мировосприятия, что, в свою очередь, обуславливает основные мотивы творчества автора, разработку им определённых тем и способы языковой экспликации смысловых доминант. Чувства, переживания определяют характер эстетической эмоции. Ценностные ориентации лежат в основе формирования художественных образов и выстраивают парадигматические и синтагматические отношения языковых единиц в тексте.

Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом современной лингвистики к постижению личности художника слова, его системы ценностей через выявление базовых мотивов концептов творчества, через способы и средства интерпретации и языкового означивания этих концептов, через смысловой анализ текстов, созданных писателем или поэтом. На современном этапе представляется актуальным исследование определённых фрагментов языковой картины мира (далее – ЯКМ) творческой личности с целью выявить, как с помощью знаков отражается локальная картина мира говорящего. Фрагменты ЯКМ представляют собой особым образом организованные совокупности слов (парадигмы) – поля, группы, ряды и т.д., единицы которых называют те или иные сферы реального мира, получившие в тексте авторскую актуализацию как наиболее важные в ценностно-смысловом плане.

Новизна работы определяется тем, что в ней впервые предпринимается попытка описания мотива памяти в рассказах И. Штокмана и средств его языковой объективации. Изучение эмоционального и семантического потенциала языковых единиц, служащих означиванию мотива «память», позволяет говорить об их участии в структурировании смыслового пространства текста, психологического пространства персонажей, в текстовом маркировании особенностей авторского мироздания и миропонимания.

Интерес филологов к особенностям восприятия мира художником слова как способу интерпретации им реальной действительности обусловлен антропоцентрическим подходом, поставившим «во главу угла» изучение и описание процессов, протекающих в сознании познающего мир человека, который в эстетически направленной речевой деятельности объективирует результаты этого познания в знаках языка [1; 7; 8; 12]. Слово в художественном тексте характеризуется: субъективной оценочностью, контекстуальной мотивированностью, обусловленностью речевой ситуацией, временным ассоциированием, рефлексивностью. «СЛОВО запускает механизмы ассоциирования, узнавания и категоризации» [6: 210]. Следует учитывать и экстралингвистические параметры текста – историко-временные, социально-культурные, психологические, связанные с личностью говорящего, ибо все это детерминирует смысловые и ассоциативные связи слова текста, актуализирующие аксиологическую вертикаль сознания автора и обуславливающие личностные читательские проекции текста, т.е. успешность движения читателя по «лестнице смыслов» [13].

Современные теории языка во многом предстают как теории языковой когнитивности, рассматривающие сложные проблемы, включающие «хранение, приобретение и использование языковых знаний, преобразование и освоение человеком внешнего и внутреннего духовного миров» [2: 146]. Язык – одна из когнитивных структур, к которым относятся восприятие, мышление, память и действие. Все когнитивные структуры неразрывно связаны между собой, так как «работают» на усвоение, переработку и трансформацию знания. При этом субъект восприятия является активным компонентом взаимодействия со средой. Акценты, таким образом, смещаются с процессов получения информации на процессы её организации и использования [14; 15].

Известно, что человек воспринимает окружающий мир с помощью пяти органов чувств, что даёт основание различать следующие виды чувственного восприятия: зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, тактильное. Каждый из этих чувственных каналов получения информации откладывает в памяти человека свой вид опыта, свою ассоциацию, связанную с той или иной реальией действительности. При этом образование перцептивного образа происходит на основе: а) эмпирического опыта личности (опыт общих чувственных впечатлений); б) когнитивного опыта, связанного с переработкой информации, её понятийным обобщением; в) собственно языкового образно-метафорического опыта личности, когда язык используется в качестве информационно-знаковой системы, включающей и эмоциональную сферу наблюдателя, и его ценностные ориентиры. В художественной речи мотивы, коммуникативные задачи автора формируют смысловую структуру текста, а уникальность системы его отношений с миром обуславливает наличие оригинальной системы смысловых образований и актуальных личностных смыслов говорящего, находящих свое материальное воплощение в знаках языка, избираемых художником слова и эксплицирующих не только аспекты его видения реальностей действительности, но и то, что помнится, вспоминается. Д.С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти» [5: 160–161].

События внешнего мира, внутренние состояния человека, откладывающиеся в памяти, переживаются как сиюминутные, а в воспоминании как длящиеся. Память являет собой и запоминание, и воспроизведение, и хранение информации, знаний. В описании конкретных картин, представляющих определённое событие, проявляется процессуальность памяти. Память в структурном выражении предстаёт как некое эмоциональное состояние, атмосфера. Е.С. Кубрякова справедливо отмечает: «в русской поэзии слова в цепочке *память – душа – жизнь* связаны между собой так тесно, что сама память персонифицируется, выступает как нечто живое, которое может заговорить» [4: 90].

Изучение мотива памяти в текстах И. Штокмана позволяет говорить о типологической сложности феномена «память», многоликости авторских воспоминаний, построенных по принципу контраста и ассоциации. Для писателя характерно не просто воспоминание, а постоянное припоминание событий и фактов прошлого, непрерывное уточнение деталей. При этом чувственное восприятие действительности является основой художественной образности, поэтому и воспоминания в рассказах формируются И. Штокманом прежде всего как зрительные, обонятельные, слуховые, осязательные, реже – вкусовые: *Очередной тихий московский летний вечер вливает на мягких крыльях в наш двор. Плавится, медленно растворяясь в медленно темнеющей синеве неба, полоска заката над трансформаторной будкой в углу двора. Я лежу на ее тёплой битумной крыше, отделённый от всего, что внизу. Звуки двора доходят до меня приглушённо, а вот запахи, поднимающиеся с потоками тёплого воздуха, ощущаются очень отчётливо. Пахнет городской пылью, влажной землёй (двор только что полили из шланга), зеленью газонов, чуть горьковато тополиной листвой и сладко, душно – левкоями и маттиолой от разбитой нами клумбы* («Колдовство вечеров»).

Память у И. Штокмана функционирует как сюжетобразующий мотив и выполняет функции достоверной передачи реалий, восстановления подробностей прошлого. В рассказах писателя мотив памяти проявляется через такие «механизмы» процессов памяти, как: а) воспоминание; б) припоминание; в) забывание. Языковыми экспликаторами данного мотива у писателя выступают: а) ментальный предикат «помню», который часто имеет при себе распространитель, характеризующий степень яркости, последовательности и достоверности воспоминаний; предикаты «вспоминается», «сколько помню», «было»; б) номинации «душа», «сердце», «тяга» служат объективации психологического пространства говорящего: *Ах, какое это было лето, какое чувство свободы, счастья переполняло меня!.. Все казалось возможным, доступным, и жизнь открывалась и ждала нетерпеливо, такая долгая, нескончаемая — конца не видать* («Гитара»); *Сердце помнит их, бережет в своей глубине, сохраняя все, что связано с теми местами. Особенно, если прошли там детство, отрочество, ранняя юность твоя... У каждого есть такие места на земле, никто здесь не обделен, и с годами память о них, тяга к ним делаются отчего-то все острее, все сильнее* («Все это было здесь»).

Денотативное пространство лексики, означающей мотив памяти, перерастает в пространство эмоциональное, связанное с переживаниями персонажа, его реакций на увиденное, воспоминаниями о прошлом, личностными ассоциациями. Память, таким образом, является эмоциогенным объектом, а комбинация ощущений и эмоционального состояния героя в воспроизводимой памятью ситуации создаёт иллюзию реальности: *Ранние зимние сумерки сгустились, наливались густой синевой, и дом ждал тебя, большой, шестиэтажный, уплывавая в*

надвигающуюся ночь, точно корабль, светившийся желтой уютной теплотой зажженных уж окон... («Все это было здесь...»); Сколько помню себя, самыми любимыми праздниками были Новый год и Первое мая... В них чувствовалась рубежность, не хронологическая, а внутренняя – оба заставляли душу качнуться и отплыть словно бы в новый путь («Праздники»).

Одним из приёмов экспликации воспоминаний у И. Штокмана является сочетание событий прошлого и настоящего, неожиданные сопоставления, создающие новые коннотации и сюжетные связи. Писатель использует приём контраста, актуализирующий оппозицию «тогда – сейчас (теперь)»; «был – нет»: *Чудовка была горбата, мощена булыжником, круглым, гладким, и по ней тогда ходил трамвай. Был там сквер с редкими металлическими столбами – оградой, к ней вел крутой спуск, и зимой там раскатывались ледянки, черные, аспидно и жирно блестящие...<...> Теперь нет ни сквера, ни ограды его, нет трамвайной линии, булыжника, и несутся по Комсомольскому проспекту через новый виадук машины, нескончаемый их поток, от бывшей Метростроевской к Лужникам и обратно («Все это было здесь...»); Теплый переулок, потеряв всю домашнюю уютность прежнего имени, называется **теперь** улицей Тимура Фрунзе, и выходит она к Фрунзенской набережной. Она **сейчас** в граните, чинная, строгая, а в раннем детстве моем **там был** рыжий глинистый берег в косогорах... («Все это было здесь...»).*

Таким образом, воспоминание у И. Штокмана не только воссоздаёт картину, некогда виденную говорящим, но и актуализирует культурно-исторический контекст описываемой ситуации.

Герой И. Штокмана в рассказе «Парк зимой и летом» вспоминает свои юношеские годы, когда он вместе с товарищами всё своё свободное время проводил в Парке Горького. Использование в речевой сфере говорящего глаголов в форме 2-го лица единственного числа моделирует ситуацию внутреннего монолога, в форме которого происходит обращение к Я-состоянию с помощью формы Ты. Автор обращается и к Я-внутреннему, и в своём лице – к тому, кто переживал что-то подобное. Данные глагольные формы служат в рассказе «не столько означиванию имплицитного Я-адресата, сколько приобщению внутреннего 'я' <...> к миру других 'я'» [11: 84–85].

Описываемые события представляют собой совокупность определённых когнитивных ситуаций, раскрывающих замысел автора и означенных лексемами «парк», «зимой», «летом». Дорога к парку – своеобразный переход из обычной, будничной обстановки в мир радости и мальчишеского счастья – парк, что означено в тексте номинацией «мост»: *Все мы, пацаны и девчонки с Зубовского бульвара, окрестных дворов его, считали Парк Горького почти что своей собственностью... Ведь рядом, рукой подать! Крымский мост лишь перейдёшь и – вот он!*

Предикативными доминантами текста выступают глаголы движения в форме настоящего и прошедшего времени: *шли; бредёшь*; глаголы ментального действия: *посмотришь; видишь*. Эмотивная доминанта рассказа – радость: *...мы всегда шли пешком, не спеша, предвкушая удовольствие от встречи Парком, от всего, что в нём есть, и только и ждёт нас; Бредёшь расслабленно через Крымский мост... За его оградой, внизу – Москва-река в солнечном блеске... .*

И. Штокман описывает летний парк, используя следующие номинации и синтаксические конструкции: *Нескучный сад; павильоны, аттракционы, тир, лодочные станции, летний кинотеатр*. Каждый павильон для мальчишек послевоенного времени – окно в мир, где царит особая атмосфера. Например, в одном из павильонов находилась трофейная выставка. Номинации *немецкое*

*оружие, знамена, мундиры, ордена, картины, танки, самолеты, предикат «помнить» служат репрезентации смысла 'память о войне': **Ведь войну все мы помнили, она прошла на наших глазах...**; ... залезали внутрь поверженной, пленённой этой техники, всё там осматривали, ощупывали.* Опора на перцептивные модусы зрения и осязания помогают И. Штокману передать эмоциональное состояние героя, а читателю – прочувствовать свою сопричастность тому, что так волнует рассказчика, ещё раз осознать, какой ценой завоевана Победа, ощутить гордость за нашу страну: *...никогда нам не надоело бродить по трофейной выставке, разглядывать всё, как в первый раз, с жутковатым интересом, с холодком под ложечкой и всё разгорающейся, крепнущей гордостью за нашу победу!*

Трофейная выставка вызывала не только мальчишеское любопытство, но и воспитывала в ребятах уважение к своей стране.

Посещение кинотеатра – еще одна мальчишеская радость. Придя в этот «деревянный щелястый сарай», герой абстрагировался от внешнего мира, забывал обо всех заботах. Эмотивная доминанта этой части рассказа маркирована предикатами «любить», «нравиться»: *Я очень любил эти утра в Парке, когда спешишь-торопишься по нему к летнему кинотеатру; Свет медленно гаснет, выключаемый через реостат, – всегда это нравилось, обостряло предвкушаемое удовольствие! И начинался фильм...*

Одним из развлечений мальчишек послевоенной поры являлась лодочная станция: *Лодки выдавали под паспорта, у нас их ещё не было, и из дома похищались метрики, хоть это и было запрещено строго-настрога <...> получали под метрику лодки – тщательно, придирчиво выбирались они! На этих лодках и научились все мы грести...*

Но главным в парке для героя и его друзей оставался тир. Семантическое поле «тир» формируется номинациями «духовушка», уточка, волк, медведь, мушка, прицел, пульки.

Зимой главное развлечение в парке – каток. Автор вводит в текст номинации коньки, «гаги», «канады», «норвежки», виражи, скольжение, вращение; сложные наименования: *Большой массовый каток, Малый каток.* Ключевыми являются глаголы движения в форме настоящего и прошедшего времени: *гонять, мчишь, мчался, кружиться, вращаться, вылетать, врываться, тормозить, шарахаться.* «Круг Большого массового поля» – символ содружества тех, кто пришел на каток: *Самое лихое, самое веселое катанье было здесь, на Большом массовом.* Был в парке и Малый каток, где царствовали фигуристы и который ассоциировался у рассказчика с балетом. «Ласточки» и «волчки» фигуристов вызывали у ребят эстетическое наслаждение: *...и всё это легко, красиво, с точным каким-то изяществом, выверенным и привычным, заранее накатанным.* Однако смысловым центром рассказа выступает образ солнца (*свет, тепло, яркость; в солнечном блеске; солнечная рябь на воде, где солнечно*) – репрезентант смысла «счастливое детство»: *Солнце, ослепительное после темноты кинозала, высоко уж над головой; А солнечная рябь на воде слепила, хоть зажмурься; Таков был парк Горького летом – солнце, зелень, старые толстые ивы над прудами.*

И. Штокмана память позволяет герою вернуться в прошлое, пережить всё заново. Парк вспоминается как место, где во многом формировалась личность ребенка, его нравственная, эстетическая и духовная сферы. Писатель смотрит на своего героя со стороны и изнутри, постоянно переключаясь с внешних событий на внутреннее состояние личности.

Выводы. Мотив памяти объединяет произведения И. Штокмана в единое целое. Через языковое означивание живого мира звуков, красок, запахов, образов сверстников, близких людей автор воплощает в слове не только события своего детства и юности, осуществляя через слово связь времен, но и мир своей души. За словом в тексте стоит заданный автором набор ценностей, т.е. коды культуры, которые читатель должен раскодировать, чтобы понять произведение.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и в прозе: когнитивное моделирование: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 283 с.
2. Демьянков В.З. Теория языка и динамика американской лингвистики на страницах журнала «Language» // Вопросы языкознания. № 4. 1989. С. 128–148.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
4. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 1991. С. 85–91.
5. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства. Письма о добром и прекрасном. М.: Альпина Диджитал, 1985. С. 160–161.
6. Масленникова Е.М. Читатель, слово и текст: восхождение по «лестнице смыслов» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. № 4. С. 210–215.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2004. 992 с.
8. Пищальникова В.А. Репрезентация смыслов концептуальной системы автора в художественном тексте // Филология и культура : мат-лы IV международн. науч. конф. 16-18 апреля 2003 г. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. С. 395–396.
9. Штокман И.Г. Дворы: Повести. Рассказы. Стихотворения. М.: ИТРК, 2004. 352 с.
10. Штокман И.Г. До мартовских календ. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2010. 432 с.
11. Четверикова О.В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности: монография. Армавир: РИО АГПА, 2013. 236 с.
12. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сб. науч. трудов ВГПУ. Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. 248.
13. Эткин Е.Г. Проза о стихах. СПб.: Знание, 2001. 446 с.
14. Eckblad G. Scheme theory. Conceptual framework for cognitive-motivational process. L.: Acad. Press, 1981. 131 p.
15. Moote G., Strondburg R. Environmental knowing. Strondburg, 1976 / URL: <http://www.dissercat.com/content/modusy-pertseptsii-zrenie-slukh-osyazanie-obonyanie-vkus-i-ikh-vyrazhenie-v-yazyke#ixzz5ewsZTAxM> (accessed at 8.02.2019).

MOTIF OF MEMORY AND MEANS OF ITS VERBAL MANIFESTATION IN THE PROSE OF I. SHTOKMAN

C.V. Popova, O.V. Chetverikova
ArmaVir State Pedagogical University, Armavir

This article discusses the motive of memory that passes through all the work of I. Shtokman. The writer's memory is a kind of reflected sensory perception of the world and causes the author to recreate the events of the past, the emotional states of the characters, which, in turn, serves as the language objectification of the value orientations of the creative linguistic personality, its ideas about the world and man.

Keywords: *concept, motive, memory, semantic sphere of personality, author, reality.*

Об авторах:

ПОПОВА Светлана Валентиновна – аспирант кафедры английского языка и методики его преподавания, Армавирский государственный педагогический университет, e-mail: popova-ivashchenko@yandex.ru

ЧЕТВЕРИКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики, Армавирский государственный педагогический университет, e-mail: chetverikova_o@mail.ru